

Продолжение. Начало — в № 45

Продолжаем серию бесед с историком Андреем ФУРСОВЫМ о нынешнем и грядущем мироустройстве. В позднекапиталистическом цифровом мире западного образца нет ни малого, ни среднего бизнеса, людская воля подавлена и находится под контролем транснациональных корпораций. И это не сюжет фантастического романа, а сегодняшняя реальность. Кто станет властелином социального ада? Что в человеке способно противостоять новым хищникам?

"ЗАВТРА". Создание технологий всегда носит характер проектный, утилитарный. Определённые группы стремятся с их помощью добиться своих целей. В своё время появление атомной бомбы было связано с ведением войны особыми способами, с новой суперэкспансией. При этом атомная бомба сыграла в истории роль парадоксальную, обеспечив мир на долгие годы. Может быть, и здесь произойдёт что-то, не вполне вписывающееся в изначально прописанный сценарий. Его авторы и бенефициары не полностью контролируют скачущего цифрового коня.

Андрей ФУРСОВ. Всё-таки степень контроля вершины того, что Зубофф назвала надзорным капиталом (НК), над процессом производства и над населением не просто значительно выше, чем, скажем, при промышленном капитализме, а качественно иная, она шире и глубже. При том, что НК — это лишь ранняя форма нового строя, скорее, даже его первоначальное накопление. В своё время первоначальное накопление капитала, которое само по себе ещё не было капиталистическим, создало некапиталистическую основу для капитализма. Это совершенно логично, так как любая система возникает не на своих системных предпосылках. Маркс хорошо показал это на примере Англии XVI века. А много позже Ханна Арендт написала, что первоначальное накопление будет повторяться каждый раз при гложущем моторе накопления капитала, в этих случаях капитал будет прибегать к некапиталистическим формам, к чистому грабежу. В связи с этим Дэвид Харви, книги которого я всем рекомендую, однажды заметил, что накопление путём изъятия имеет целью высвободить активы минимальными затратами, а ещё лучше — нулевыми. Вот это как раз и есть то, что проделывает "Гугл": мы

информационного храма, коллектив ("класс") в одной лице.

"ЗАВТРА". Но это могут быть и подставные лица?

Андрей ФУРСОВ. Это интересный вопрос. В своё время всех пытались убедить в том, какие молодцы все эти Сергей Брин, Марк Цукерберг и прочие, что они "селфмейд мен", которые чуть ли не с улицы пришли. Однако ряд аналитиков, прежде всего Константин Черемных, показали, что эти молодцы — люди совсем не случайные, что они, так или иначе, связаны с Пентагоном, со спецслужбами, банками и "глубинной властью"; всех их, скажем так, целевым образом вели и продвигали. Поэтому, когда несколько лет назад появилась концепция нетократии (от слова нет "сеть") — что, мол, придёт новый класс ("нетократы"), который сметёт старых хозяев мира, у меня сразу появились сомнения. Дело в том, что вся история формирования новых господствующих слоёв, классов — это, как правило, компромисс старых и новых. Более того, старые группы часто в порядке социального эксперимента запускают по историческому "минному полю" первопроходцев или просто не мешают неким историческим опытам, а затем, в зависимости от обстоятельств, либо присваивают их результаты, либо сворачивают сами опыты и ликвидируют "опытные площадки", объявляя экспериментаторов преступниками или даже устраивая над ними публичный суд.

Порой первопроходцы обретают самостоятельность, особенно во времена кризисов системы, тем более терминальных. Эксисты — это как раз тот самый случай, однако судьба их ещё далека от ясности. В любом случае следует понимать: завязаны они не столько на государство, сколько на глубинную власть. Их роль в государственном перевороте, завершившемся свержением Трампа, свидетельствует об этом со стеклянной ясностью. Соб-

ально новое пространство — мировое (мировой рынок), морские просторы Атлантики, которые не подпадали никакому государственному законодательству, оперировал именно в нём и оттуда, с недостижимой для конкурентов на страновом уровне "высоты", наносил удары по их позициям. Нынешние кандидаты на статус новых господ тоже претендуют на захват никем не освоенных на данный момент общественных территорий — пространств, которые не охвачены законами никаких государств. Речь идёт о киберпространстве. Здесь, как и в Атлантике XVI века, законов нет: кто раньше встал, того и тапки.

Эрик Шмидт и Джаред Козн в уже цитирувавшемся "Новом цифровом мире" зафиксировали: "Онлайн-мир реально не подчиняется земным законам. Это крупнейшее неуправляемое пространство". Те, кто решил стать монополистом этого пространства, рванули в него строить надзаконную, то есть беззаконную систему, в которой они прописывают правила, носящие пока чисто силовой характер. Однако рано или поздно они их оформят в полном объёме. Именно так поступили в XVIII веке британцы, подведя философскую базу под пиратское рейдерство и захват огромных территорий — я имею в виду концепцию terra nullius Джона Локка, оправдававшую территориальные захваты. В свою очередь, концепция Локка — дальнейшее эхо принципа других грабителей и захватчиков имперского типа; речь идёт о римлянах с их *res nullius* — "пустая вещь", под вещь имелась в виду земля. Согласно этому принципу, земля принадлежит тому, кто готов её использовать; следующий логический шаг: кто живёт на ней, не используя, тех либо уничтожаем/сгоняем, либо превращаем в рабов. Мы уже говорили, что цифровая матрица — это зона принципиально нового вида рабства, когда отчуждается человек в целом как социально-духовное существо. При этом "цифровики" действуют в своей зоне с такой скоростью,

что, то есть последние 10–12 тысяч лет. Те, кто концентрировал в своих руках богатство в течение последних столетий (в цикле романов Вадима Панова "Аркада" они названы "глобальными инвесторами"), не позволял ни высочкам, которых сами же допустили и запустили, ни даже нескольким корпорациям самостоятельно создать/захватить новый мир. Ни Кортес, ни Писарро, ни Джеймс Уатт — первопроходцы колониализма, капитализма и Модерна — близко не были допущены к пулу его хозяев. Более того, не стали его хозяевами и многие из первых (XVII–XVIII века) операторов.

Растущее напряжение в пятёрке бенефициаров Ковид-19 и строителей нового мира чем-то напоминает намного более миниатюрную ситуацию в РФ 1990-х–2000-х годов, когда будущее страны (и конкретной формы строя) решалось тоже в борьбе пяти сил: внешторговцев (и связанной с ними внешней разведки), МВД, военных, криминала и чекистов; результатом стал либерал-чекизм в "багровых" (т. е. криминальных) тонах. Скорее всего, нечто багровое мы увидим и в мировом масштабе, если новонормальщикам удастся их план и социальное извращение станет нормой.

Решающие схватки "углов" глобальной пятиуголки — впереди, пока же — локальные бои и избежание от тех, кто послабее. На данном этапе все элементы с приставкой Биг (цифровики, финансисты, медики) — союзники в качестве отчасти самостоятельных игроков, отчасти сегментов/инструментов глубинной власти. Их борьба с государством "великой Америки" Трампа — это борьба завтрашнего и сегодняшнего дня со вчерашним, завершившаяся их победой. Впрочем, во-первых, не исключён реванш, тем более, как писал Баррингтон Мур, великие революции рождаются не из победного крика восходящих классов, а из предсмертного рёва тех классов, над которыми вот-вот сомкнутся волны прогресса. Во-вторых, после того как одержана победа над "вчера", "завтра" и "сегодня" должны сой-

В 2015 году стартап Realeys получил 3,6 млн евро от Еврокомиссии на проект SEVA (Automatic Sentiment Analysis of the Wild). Цель — развитие автоматизированной технологии, способной считывать эмоции человека, когда он знакомится с тем или иным содержанием. Через год Realeys получил от комиссии награду за свою "инновацию", причём не "бочку варенья и корзину печеня", а весьма крупную сумму. Инновация, о которой идёт речь, направлена на то, чтобы ширить по подсознанию человека и присваивать его. С её помощью изучаются жесты человека, выражение лица, телодвижения, микродвижения глаз и т. д., то есть всё то, что человек делает бессознательно. И опять же эти программы уходят корнями в прошлое — в конец 1990-х.

Иными словами, сдвигаются и ликвидируются все личные границы человеческого "я". Когда-то Жан-Поль Сартр писал: "Свобода — это существование нашей воли". Лишение свободы, а также выбора, мысли — это отчуждение воли. Отчуждение воли, помимо прочего, есть подмена личности человека его схематизированным информационным отражением, образом в информационном зеркале. Свобода тесно связана с будущим — с тем, как человек определяет своё будущее время. Зубофф пишет, что сегодня мы сталкиваемся с ситуацией, когда нашему будущему времени угрожает цифровая архитектура модификации поведения надзорным капиталом. НК создаёт рынки будущего поведения — бытового, экономического и политического. Данные о поведении становятся главным товаром.

"ЗАВТРА". Подобного рода "товаризация" меняет структуру личности человека, не так ли?

Андрей ФУРСОВ. Конечно. Возникает схема, которую определяют как: автономный (от общества и государства) капитал-на-поведении и гетеромонный (т. е. регулируемый извне) индивид. Это очень напоминает то, что на материале китайской цивилизации и её "дочек" — корейской и японской — социологи концептуализируют как "контекстуальный" тип личности, противопоставляя его "текстуальному" — европейскому. Если в европейской цивилизации личность выступает как нечто самостоятельное и самоопределяющее ("текст") и вступает в индивидуальные (личные) отношения с Абсолютом — отсюда "культура совести", то восточноазиатский (Китай, Корея, Япония) тип личности определяется главным образом внешними регуляторами, отсюда, во-первых, "культура стыда" вместо "культуры совести"; во-вторых, речь должна идти не столько о личности, сколько о социальном индивиде, причём коллективном.

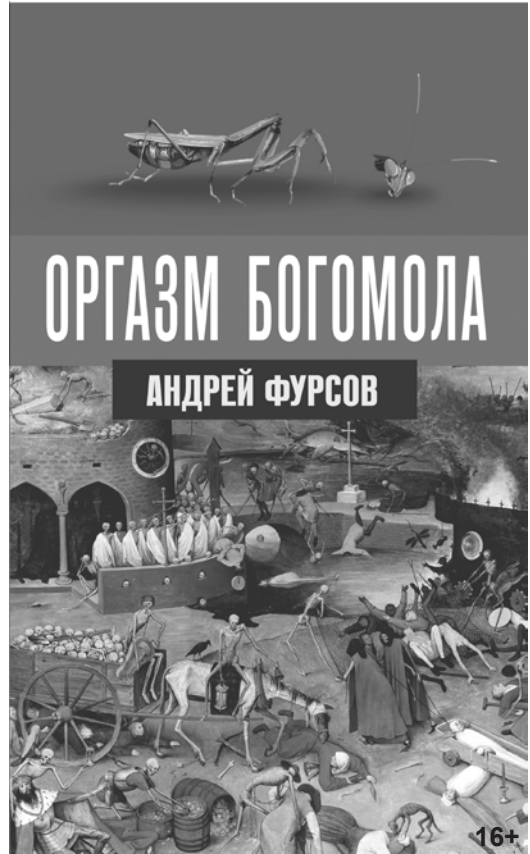
Цифровизация, таким образом, устранивает европейский тип личности, сформированный античностью, христианством и Модерном, и заменяет его чем-то похожим на восточноазиатский. Неслучайно в последние лет тридцать среди руководства крупнейших корпораций Постапада развиваются интерес к конфуцианству, мода на него. В самом Китае цифровизация в виде системы социальных рейтингов органично легла на двухтысячелетний тип власти, общества и социальной индивидуальности, более того, стала их выражением, законченной формой. Примерно то же цифровизаторы-ультраглобалисты пытаются сделать с европейцами. Отсюда их стремление подорвать христианство, причём в первых рядах оказываются иезуиты, сама идеальная система и практика которых всегда заключались в ограничении/подавлении личности, её превращении в социального индивида. В этом плане постакапитализм ультраглобалистов-цифровизаторов есть система уничтожения европейской цивилизации, стирания Ластиком Истории последних двух — двух с половиной тысяч лет её развития, стремление отбросить человечество в эпоху до Осовего Времени. О переломе Homo sapiens как биологического вида под маской его "исправления" я уже не говорю, это покруче НК со всеми его "фокусами". Цифровизацию её планировщики напрямую связывают с биологическими изменениями человека, по сути, речь должна идти о биоцифровизации.

"ЗАВТРА". Иными словами, уничтожается многое и прежде всего — приватность.

Андрей ФУРСОВ. Именно так. Приватный человек, частное лицо — плохой объект для целостного социально-гомогенного присвоения. Он должен быть стандартизирован, то есть личностно зашнечен. Ещё в начале 1990-х праведный Спирос Симитис в знакомом эссе "Обзор приватности в информационном обществе" писал: "Персональная информация всё больше используется для навязывания стандартов поведения. Обработка информации превратилась в существенный элемент долгосрочной стратегии, манипуляции, направленной на формирование и адаптацию индивидуального поведения". Симитис уже тогда фиксировал тенденции, идущие вразрез с приватностью и демократией. Сегодня же мы видим, что цифровизация в руках ультраглобалистов выступает как реальное орудие лишения прав целых сообществ и даже обществ. Человеку открыто говорят: "У тебя нет приватности", права на неё. Притом властное полномочие этих "указующих" структур имеет источник своим вовсе не государству и не новую технологию, а лишь промежуточный результат в логике накопления колоссальных сведений контроля над поведением человека! Это логика присвоения неимущественных активов. Это не капитализм, а нечто похуже.

Беседовал Андрей ФЕФЕЛОВ

Продолжение следует

Реклама

Книгу можно приобрести

в День-магазине: +7 (499) 350-17-79,

pochta@den-magazin.ru, день-магазин.pdf

ХРАМ БИОЦИФРЫ

Часть вторая

что государства совершенно не поспевают за ними в плане издания законов. Общество тоже запаздывает с пониманием факта, что рядом с капитализмом обозначился новый хищник. Он претендует не на материальный продукт и деньги, а на самого человека. Он планирует ликвидировать частную жизнь и демократические институты, о чём Шмидт и Козн говорят не скрываясь.

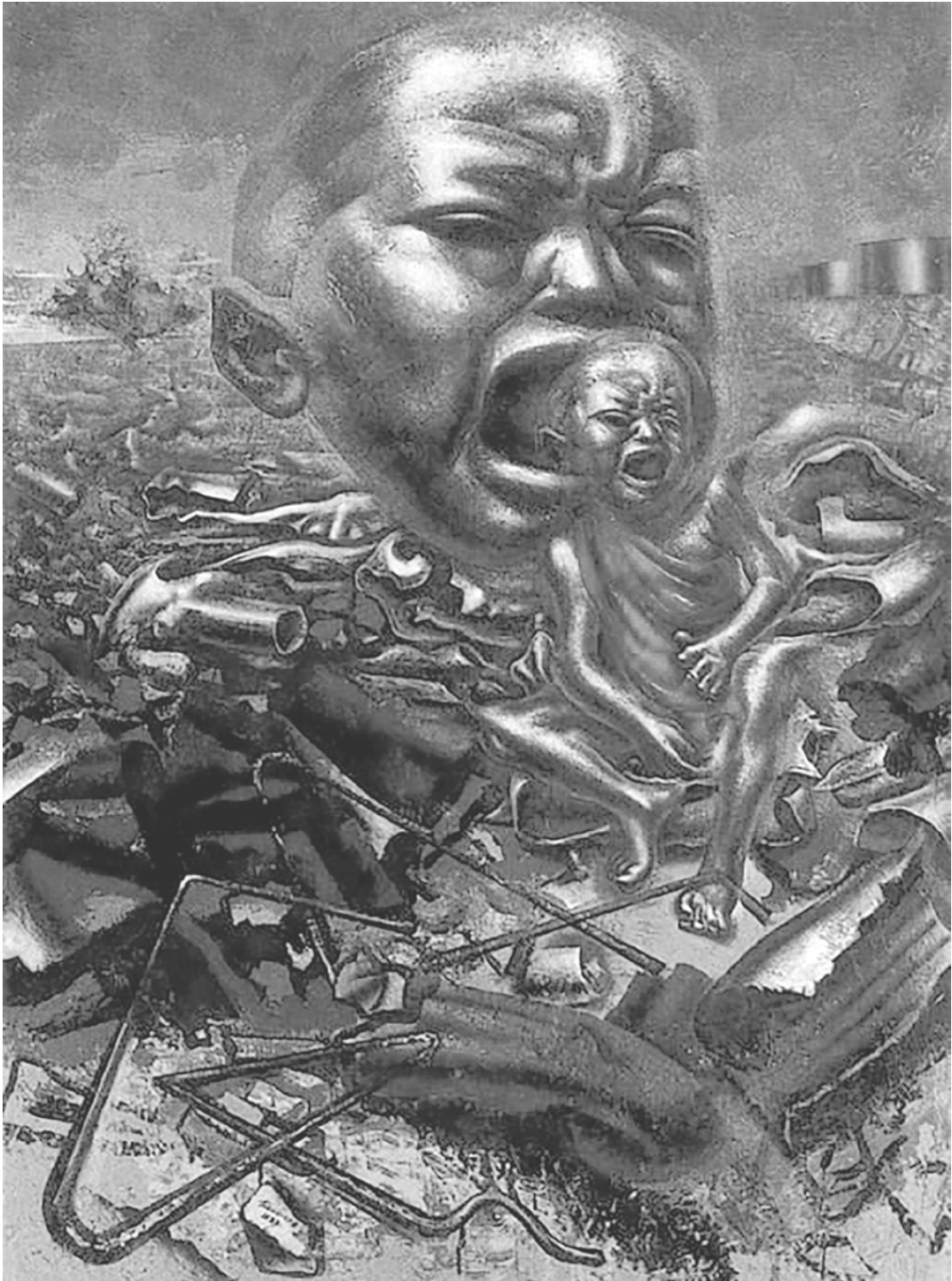
"ЗАВТРА". Но конфликта между "эксистами" и "финансиалистами" не миновать?

Андрей ФУРСОВ. В перспективе — да, но конфликт этот будет ося более сложного и многостанового столкновения между выгодоприобретателями нынешнего переворота — первого, разворачивающегося не просто в мировом масштабе, а впервые глобального, поскольку его субъект — глобальные силы. Этих выгодоприобретателей пять: БигТех (цифровики), БигФарма, БигФин (финансисты), наднациональные структуры, проглобалистские госбюрократии. В целом в той или иной степени от Ковид-19 выиграли почти все фракции мирового господствующего класса — богатые стали богаче, причём существенно. Показательно, что в 2020 году резко подскочил спрос на дорожные яхты. Отраслевое издание Superyacht Group сообщает, что если с января по сентябрь 2019 года в плавание отправились 165 яхт, то за тот же период 2020 года — уже 200, плюс было размещено ещё 330 заказов на постройку новых яхт. Да и число миллиардеров в "ковидном" 2020 году выросло на 660, достигнув цифры 2755. Как пел Аллен Сьюэн, "Плаханы снова на коне, и всё у них в ажуре": кому Ковид, а кому отец родной.

Тем не менее в перспективе конфликта между "паханами" не избежать, по сути, он уже проявляется. Налицо действия определённых групп бенефициаров, прежде всего госбюрократий и части финансовых структур, стремящихся унять слишком широко шагающих ИТ-гигантов Цукерберга и Гейтса (например, "Фейсбук" собрался запустить свою валюту Libra — это контроль над почти 50% мирового рынка плюс вытекающие из этого возможности политических манипуляций). Мы видели, как в конце августа — начале сентября 2021 года в США вернулась кампания против "Фейсбука". КНР начала уничтожать криптовалюту; центробанки развитых стран двинулись в направлении создания своих цифровых валют. А уже в конце октября эксисты обозначили направление ответного удара, по их планам — сокрушительного. 28 октября 2021 года Цукерберг объявил о ребрендинге "Фейсбука", теперь это будет Метавселенная. Слово это появилось в 1992 году в ставшем культовым киберпанк-романе Нила Стивенсона "Лавина" (Snow Crash). В нём описан новый вид коммерческой Матрицы — Метавселенной, управляемой на верхнем "этаже" корпорациями, а на нижнем — мафией. Метавселенная — la Цукерберг — это, как пишет Алексей Иванов (блог газеты "Завтра", 5.11.2021), единая экосистема, в которой благодаря дорогостоящим VR и AR-очкам физическая, дополненная и виртуальная реальности слиты в единую мозаику цифровых миров. 2 ноября о своей Метавселенной объявила устами своего гендиректора Сатии Наделлы корпорация "Майкрософт".

В общей Матрице двух (пока двух) корпораций, если она состоится, будет функционировать около 1 млрд человек. Это позволит, как подчёркивает А. Иванов, не только увеличить прибыль до 2 трлн долларов (сейчас 30 млрд долларов) плюс 5–6 трлн долларов за счёт перезапуска интернета 3D и запуска полностью контролируемого цифрового рынка — перед нами план передела глобального рынка, других миров, — но и позволит решить две другие не менее, а возможно, более, важные задачи. Во-первых, социальные сети, точнее, их владельцы, которые в последние годы и так уже обрели роль относительно самостоятельных политических игроков (относительно — поскольку эта самостоятельность ограничивается четырьмя другими бенефициарами и присутствующей во всех четырёх, то есть рядом с ними и над ними, глубинной властью), захватывают часть государственных функций. Цукерберг откровенно говорит, что его цель — создать метазкономику, имеющую свою валюту и свободную от налогов, а следовательно — от государства. Во-вторых, владельцы мира и продавцы виртуального "воздуха" Метавселенной претендуют на роль социальных демургов: подсаживая миллиард людей на наркотик виртуальности, они создают социально атомизированный мир, как это делала британская буржуазия во второй половине XVIII — начале XIX века. Только тогда это была атомизация посредством процессов в реальной экономике, её теоретически можно было преодолеть, что и произошло по мере формирования промышленного пролетариата, то в виртуально-цифровом паноптикуме это едва ли возможно — atomization forever!

Вопрос в том, позволит ли в перспективе конкуренты по пятёрке бенефициаров эксистам монополю хозяйничать и лидировать в создании новой версии земной цивилизации. Дело обстоит именно так: биоэкоцифровой постакапитализм в том виде, в котором его планируют, это не просто новая система в истории цивилизации, это обнуление всего того, что существует со времён неолитической револю-

Дэвид Альфаро Сикейрос «Эхо крика»

наблюдаем процесс первоначального накопления для нового строя, но только накопления не капитала, а вообще неимущественных активов. И происходит это, в общем-то, более-менее незаметно для основной массы людей, в отличие от ограбления XVI века, когда народ открыто сгоняли с земли. Сегодня людей сгоняют с их самости, которая обеспечивала им свободу волеизъявления, и происходит это втайне от подавляющего большинства.

Впрочем, работает и материальный процесс в виде уничтожения малого и среднего бизнеса. Так тоже расчищается площадка для нового строя. Все мы должны понять: в структурах типа "Гугл" происходит взаиморастворение власти и собственности. Контроль над поведением людей используется для получения прибыли, но сам этот контроль уже не собственности, а по сути, чистая власть. Происходит характерное для докапиталистических обществ растворение собственности во власти (властесобственности), но на принципиально ином производственно-технологическом уровне, чем не только в доиндустриальных, но и в индустриальном обществе.

Большую роль в формировании нового строя играют позднекапиталистические политика, культура и право. Они работают на установление корпоративного контроля над определёнными зонами, где действуют не государственные законы, а правила данной корпорации или в лучшем случае корпоративное право (но не государственное). Поэтому понятный интерес государства к контролю над сетями наталкивается на сознательно возведённый платформами культурно-политический заслон, который не позволяет проводить реальный анализ функционирования структур типа того же "Гугла". Это вообще табуированная тема, которая всё ярче маркирует состоявшийся факт институционализации свободы подобных структур от государства и общества. В этих структурах просматривается довольно сложная трёхклассовая система акционирования и владения акциями. В "Гугле", например, мы видим три класса акционеров, причём верхний класс — всего два человека, они принимают все решения. В "Фейсбуке" эту роль выполняет один человек, своего рода жрец

ственно, глубинная власть (иногда её неточно называют "глубинным государством") проявляется в двух сторонах одного процесса: псевдоэкономической и псевдополитической — в виде вызревания принципиально нового постакапиталистического строя. У глубинной власти и эксистов один враг — национальное государство. Контролёры и присваиватели потребностей, сетей, социального поведения и информации выступают как (нео)жрецы нового социума. Другой вопрос, насколько владельцы старых денег и монархо-аристократические семьи позволяют им это, каким будет компромисс. Хочу напомнить, что первыми операторами мирового рынка, "капиталистами против своей воли" (Р. Лашман) были главным образом не бюргеры (буржуа), а представители верхов постфеодалного (середина XVI — середина XVIII века) Старого Порядка — землевладельцы, аристократия. А в последней четверти XVIII века вызов им бросила буржуазия, решившая стать главным капиталистом.

Эпоха революции (под маской триколора) 1789–1848 годов была борьбой буржуазии за "кольцо капиталистического всевластия" не столько с феодалами (от феодализма к этому времени уже почти ничего не осталось), сколько с ранними капиталистами — старопорядковыми операторами мирового и национальных рынков; это уже позже либералы и марксисты додумали (правда, не без некоторых резонансов "буржуазные революции"). Результатом этих революций был социальный компромисс между старым и новым. Новый строй, повторю, редко возникает ноканутом, как правило, это компромиссная победа по очкам одной из сторон, причём не всегда исходно новой стороны, нередко новые одежды надевает старое (например, позднесоветская номенклатура, превратившаяся в антисоветских хозяев РФ). Аналогичным образом будет в ближайшее десятилетие развиваться борьба за будущее в мировом масштабе: схватки, компромиссы, подставы.

Обратим внимание вот на что: во время генезиса капитализма в "длинном XVI веке" (1453–1648 гг.) будущий господствующий класс освоил принципи-

СМОТРИТЕ
ТЕЛЕКАНАЛ
«ДЕНЬ»

ЛИКВИДАЦИЯ
ЕВРОПЫ

ПРАВДА
ОБОЛШОМ
ВЗРЫВЕ

ПЕРЕВЕРНУТАЯ
ИСТОРИЯ

ИСТЕБЛИШМЕНТ
NOT DEAD

ПРОТИВ НАС
НАЧАЛИ
ТЕРРОР

РОССИЯ
СТАНЕТ
ЗЕЛЁНОЙ?!

DENTV.RU